

УДК 930(410.1)»18/20»

Яснитский Н.А.*Московский государственный областной университет***ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В БРИТАНСКОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX вв.**

Аннотация. В статье рассматриваются аргументы и изменения трактовок политической ситуации в Англии в первой половине XVIII в. в английской и отечественной историографии XIX–XX вв. Определение политической ситуации в Англии XVIII века в исторических работах предпринималось с разных методологических позиций. В зарубежной историографии наиболее ранние попытки связывали определение политической ситуации с борьбой тори и вигов в парламенте и итогами борьбы этих политических группировок.

Ключевые слова: политическая борьба, тори, виги, историография.

N. Yasnitsky*Moscow State Regional University***POLITICAL SITUATION IN THE FIRST HALF OF THE XVIII
CENTURY ENGLAND GIVEN BY BRITISH AND NATIVE
HISTORIOGRAPHY OF XIX–XX CENTURIES**

Abstract. The article examines the arguments and the change of interpretations of the political situation in England in the first half of the XVIII century given by English and Russian historiography of the XIX–XX centuries. The definition of the political situation in the XVIII century England was described in historical works through different methodological positions. The earliest attempts given by foreign historiography tied the definition of the political situation with the parliamentary struggle of the Tories and the Whigs. The outcome of those political groups' fight is also mentioned.

Key words: political struggle, Tory, Whigs, historiography.

В 1802 г. в «Истории Англии» Джоном Адольфусом была сформулирована трактовка ситуации в Англии первой половины XVIII в., получившая название «Старо-торийская трактовка». Ее краткая суть сводится к тому, что вся первая половина века характеризуется как время острой политической борьбы тори, стремившихся к восстановлению баланса

ветвей власти. Баланс политического разделения властей, установленных в период Славной революции, был нарушен в ущерб полномочиям короны и в пользу правительства вигов и парламента, начиная с правления Ганноверской династии. Произошло это вследствие управления страной вигами в своих интересах во время правления двух королей «иностранцев» – Георга I и Георга II [15; р. 3].

Для обоснования этой точки зрения внимание уделялось соглашениям периода 1688-1701 гг., их разной трактовке со стороны виггов и тори, выражавшейся главным образом в борьбе за преобладание в парламенте в первой половине XVIII в.

Либерально-вигская трактовка, преобладавшая в историографии на протяжении всего XIX в., также исходила из анализа положения в парламенте и оценивала политическую ситуацию в Англии в первой половине XVIII в. как период политического спокойствия. Для обоснования данного тезиса историки либерально-вигского направления обращались к анализу тех же событий и процессов, что привели к перераспределению полномочий короны и парламента, что и историки старо-торийского направления, однако истолковывали их прямо противоположным образом. Либерально-вигские историки стремились доказать, что вигги в период 1714-1760 гг. действовали на законной основе, определенной соглашениями 1688-1701 гг. Согласно их трактовке, преобладание виггов в первой половине века в парламенте и в правительстве было результатом выборов. Более того, это преобладание, по мнению либерально-вигских историков, было «необходимым», поскольку первые Георги были поглощены делами Ганновера, и «естественным», поскольку именно вигги вели борьбу с якобитским движением, опиравшимся на поддержку тори и угрожавшем независимости страны. Эта трактовка, господствуя в XIX в., в целом разделялась и историками начала XX в. Общим тезисом этих интерпретаций было, как выразился в своих лекциях, изданных в 1967 г. Дж. Плумб, убеждение в том, что «по-

литическая структура Англии после 1715 г. постепенно приобрела прочность и мудрое спокойствие» [16; p. 18].

Таким образом, сопоставляя приведенные трактовки XIX в., мы можем констатировать существенное расхождение в оценке ситуации в Англии в первой половине XVIII в. Если в торийской трактовке политическая ситуация в Англии характеризовалась как время «острой политической борьбы», то в либерально-вигской трактовке длительное политическое преобладание виггов в этот период истолковывается как «политическое спокойствие», невзирая на признание факта борьбы тори за власть даже путем поддержки свергнутых Стюартов.

Традиция оценки общего положения в Англии на основе анализа политической ситуации в парламенте в первой половине XVIII в. в зарубежной историографии была продолжена и в XX в. Начиная с 20-х гг. XX в., в зарубежной историографии распространение получила трактовка Льюиса Немира и его последователей. Согласно этому пониманию стабильности в Англии в XVIII веке не было, неустойчивое положение в парламенте и кабинете министров существовало с 1714 по 1784 г. Однако политическая нестабильность объяснялась не противоборством виггов и тори, поскольку Кабинет не формировался партийным большинством в парламенте, но возникал в результате более или менее случайных объединений группировок вокруг популярного лидера. Борьба в парламенте была, согласно Немиру, за места и материальную выгоду между отдельными депутатами, а не из-за политических или идеологических разногласий. Для обоснования этой трактовки Л. Немир

и его последователи анализировали, главным образом, перипетии внутрипарламентской борьбы и личные обстоятельства политических деятелей [15; 12; 13; 14].

В 60-70 гг. XX в. историки уже неоперативно направляли вновь поднимали вопрос о характере политической ситуации в Англии в XVIII в. В работах Дж. Холмса, У. Спекса, Ф. О'Тормана подчеркивалось, что в начале и особенно в конце XVIII в. английское общество все более поляризовалось по отношению к сложившемуся после 1688 г. конституционному устройству. Однако подчеркивалось, что разногласия были вызваны не только политическими воззрениями тори и вигов, но и иными взглядами на направление и цель внешней политики. Кроме того, разногласия существовали и в связи с процессом усиления роли правительства. Иначе говоря, «XVIII в. привнес серьезные политические изменения, а не был просто продолжением политики предыдущего века» [10, с. 85]. Однако «поляризация» общества не означала признания этими историками острой политической борьбы в парламенте между тори и вигами, в подтверждение чего они ссылались на факт коалиции между ними ради свержения правительства Р. Уолпола.

В 80-х гг. XX в., в связи с опубликованием работ Джонатана Кларка, появились сомнения в правомерности определения политической ситуации в начале XVIII в. путем анализа политической борьбы тори и вигов. Дело в том, что Дж. Кларк вообще отрицал наличие политических партий до парламентской реформы начала XIX в. [10, с. 82]. По его мнению, в Англии в XVIII в. на вершине социальной и политиче-

ской пирамиды оставались лорды, представлявшие в своем большинстве крупных землевладельцев, поскольку именно владение землей являлось главным источником и областью вложения капиталов, накопленных в других областях деятельности (финансы, торговля, предпринимательство). Кроме того, владение земельной собственностью являлось неперенным условием реальной политической и государственной деятельности как на центральном, так и на местном уровне [10, с. 82, 85]. Кроме того, Дж. Кларк не считал, что политическое устройство Англии в XVIII в. характеризовалось преобладанием власти парламента. «И после 1689 г., и после 1714 г. и королевская, и парламентская власти укреплялись, но не за счет друг друга. Сильное государство предполагало и сильный парламент, и сильную королевскую монархию. Слабость короны в 1714-1760 гг. – иллюзия...» [10, с. 92-93]. Эта иллюзия порождена тем, что короли в этот период не применяли вето, но не по причине своего слабого влияния, а именно потому, что невозможно было представить, чтобы парламент принял решение вопреки воле короля. Во многом это объяснялось и тем, что Англия XVIII в. являлась страной «конфессиональной», в которой важную политическую роль играла англиканская церковь. Именно это обстоятельство существенно укрепляло влияние королевской власти [10, с. 82].

Дж. Кларк характеризовал политическую ситуацию в Англии в XVIII в. в целом как спокойную, однако «политическое спокойствие» объяснял прямо противоположным образом, нежели либерально-вигские и марксистские или советские историки. Первые счи-

тали это «спокойствие» результатом политических изменений Славной революции, вторые – революции середины XVII в. По мнению Кларка, политическая система Англии после Славной революции и вплоть до парламентской реформы 1832 г. в целом была ближе к XVII, нежели к XIX веку. Аргументы самого Кларка и его сторонников в ходе развернувшейся дискуссии в 80–90 гг. XX в. сводятся к следующему. Во-первых, «Билль о правах» 1689 г. не отменял ни «наследственного права», ни идеи «о не сопротивлении законному монарху», он повторял основные положения программы индependентов в середине XVII в. В итоге «Билль» не являлся реализацией идеи полного разделения властей, а лишь закреплял то разделение властей, которое уже было до революции середины XVII в. и было нарушено Карлом I. Во-вторых, по мнению Дж. Кларка, воцарение Вильгельма III является в такой же мере реализацией выбора парламента, как и «наследственного права», поскольку Вильгельм был не только мужем дочери Якова II, но и внуком Карла I. И, наконец, как считает Дж. Кларк, утверждение Акта о престолонаследии в 1701 г. не свидетельствовало о сознательном воплощении в жизнь политического принципа разделения властей. Этот документ и его содержание свидетельствуют скорее о стремлении предотвратить вовлечение Англии в орбиту германских проблем, в связи с избранием на престол представителя Ганноверской династии, путем ограничения власти королей и увеличения роли кабинета министров [19, p. 3].

При всей разности мнений по поводу трактовки Дж. Кларка, дискуссии

привели к некоторым изменениям в современных трактовках зарубежной историографией ситуации в Англии начала XVIII в. в [11; 13; 14; 15; 17; 18].

В зарубежной историографии авторы марксистского направления по-прежнему придерживаются тезиса о политической стабильности Англии в первой половине XVIII в. Однако Дж. Плам, один из представителей этого направления, основой стабильности стал считать как усиление исполнительной власти (и королевской, и кабинета министров), так и возникновение однопартийного правительства. Все эти явления, по его мнению, являлись последствиями социально-экономических изменений XVIII века [10, с. 94].

В «Истории Британии» («The Oxford History of Britain») Поль Ленгфорд, характеризуя конец XVII и начало XVIII в., согласен скорее с оценками современников, нежели историков XIX–XX вв. Согласно его мнению, «в целом время правления Анны рассматривается историками как фон для установления политической стабильности. Однако современники скорее считали, что ценой ограниченной монархии и финансовой безопасности стал политический хаос» [5, с. 375]. Период 20–40 гг. XVIII в. характеризуется П. Ленгфордом как время «стабильности», отделяющее этот период от «хаоса предыдущих лет», но и «стабильность той эпохи является скорее условной, чем реальной» [5, с. 383, 386]. Основанием для этих утверждений П. Лэнгфорда является проведенный им анализ церковной и внешней политики, установленный факт сохраняющегося влияния тори на сельские районы в центральных и западных графствах и положение в таких крупных горо-

дах, как Лондон, Бристоль, Норвич и Ньюкасл. Условность «стабильности» связывается П. Лэнгфордом и с существованием пусть и преувеличенной, но все же реально существующей якобитской угрозы [5, с. 386-388]. Не меньше оснований для сомнений в политической стабильности дает, по мнению П. Лэнгфорда, и анализ экономической и социальной ситуации. Этот анализ подводит его к выводу: «Англия XVIII в. становилась все более поляризованным обществом» [5, с. 394-395]. В Англии XVIII в. было «очевидно неравенство в условиях экономики, основанной на выгоде и деньгах» [5, с. 394-395], что «с неизбежностью давало пищу для морального возмущения и социальной критики» [5, с. 394-395]. Середину XVIII в. П. Лэнгфорд характеризует как годы ожесточенной «полюсической войны, которая велась на страницах газет, листов и памфлетов» [5, с. 395]. Полемика велась вигами и тори, они «искали вдохновляющую идею» [5, с. 395], которую нашел У. Питт в идее империи [5, с. 395].

Итак, в зарубежной историографии вывод о политической стабильности основывался на анализе парламентской ситуации. Однако в современных работах учет экономических и социальных процессов вынуждал исследователей признавать пусть и не политическую борьбу тори и вигов, но общую «нестабильность» политической ситуации в стране в целом.

В советской историографии вплоть до 70-х гг. XX в. в большинстве исторических исследований присутствовало убеждение, что в начале и первой половине XVIII в. в английском обществе преобладало настроение удовле-

творенными политическими изменениями и не наблюдалось острой политической борьбы [6, с. 239]. Однако в отечественной историографии эта либерально-вигская трактовка была несколько изменена и дополнена в соответствии с методологическим принципом примата социально-экономических отношений над отношениями политическими. Согласно этой трактовке, виги были тесно связаны с финансовыми, торговыми и промышленными кругами и стремились к активной внешней политике и колониальным захватам, в отличие от тори, не отличавшихся особой активностью в экономической жизни и представленных, главным образом, земельной аристократией и средним дворянством [4, с. 59]. Отсутствие острой политической борьбы между тори и вигами объяснялось главным образом тем, что антагонистических противоречий между партиями, попеременно стоявшими у власти, не было, а основное различие было связано с проблемами внешней политики.

В 70-х гг. XX в. в отечественной историографии формируется новая трактовка характеристики состояния Англии в первой половине XVIII в. Суть ее в том, что, по крайней мере, в первые десятилетия XVIII века для Англии была характерна острая политическая борьба между вигами и тори, вызванная последствиями социально-экономических процессов, начавшихся еще в середине XVII в.

Стоявший у истоков этой трактовки крупнейший специалист по проблемам английской истории М.А. Барг считал, что ситуация в Англии в первые десятилетия XVIII в. «удивительно напоминает историческую обстановку

во Франции столетие спустя, в период Июльской монархии: расцвет прожектерства, вакханалия грюндерства, неслыханные биржевые спекуляции (в которых участвуют двор и правительство), невероятно быстрое сколачивание крупных состояний, финансовые аферы, влекущие за собой разорение массы мелких и средних буржуа, коррупция сверху донизу, всеобщее падение нравов. И все это – на фоне затяжного кризиса дворянства, и прежде всего, провинциального джентри» [2, с. 279]. Отмеченные М.А. Баргом процессы относились, учитывая хронологический и смысловой контекст, именно к периоду правления вигов, и представляли собой олицетворение «торжествующего вигизма», поскольку «экономическое могущество и политическое влияние (прежде всего при дворе) постепенно сосредоточилось в руках финансовой олигархии – денежных воротил Сити – и к ущербу власти и могущества земельной аристократии» [2, с. 279]. Такая трактовка ситуации получила дальнейшее развитие в отечественной историографии в 80-90-е гг. Особого внимания заслуживает статья Е.А. Добровой «Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в.» [3]. Эта статья опубликована ранее вызвавшей споры работы Дж. Кларка и П. Лэнгфорда и потому позволяет говорить о самостоятельном характере изменений некоторых акцентов в отечественных работах.

Прежде всего, Е.А. Доброва отстаивает и ранее выдвигавшийся в отечественной литературе тезис о реальном существовании политических группировок тори и вигов, считая, что отрицание за ними термина «политические

партии» при всей расплывчатости и частом распаде этих группировок неправомерно. Аргументами являются, во-первых, очевидная «поддержка одних т.н. «денежным интересом», новой прослойкой общества, и влиянием других среди «земельного интереса», живущего испокон века на доходы земли. Во-вторых, готовность одних к принятию политических и экономических новшеств и консервативная боязнь перемен у других. Наконец, самое давнее, религиозное расхождение двух группировок также имело свою политическую подоплеку. Тори поддерживали Высокую церковь как консервативный институт, выступающий за усиление власти монарха. Терпимость вигов к диссентерам объяснялась тем, что они могли значительно расширить социальную базу вигов, оказав им тем самым серьезную поддержку на выборах [3, с. 4-5].

Доброва Е.А., как впоследствии и П. Лэнгфорд, считает, что период 30-40-х гг. XVIII в. был периодом острой политической борьбы тори и вигов, периодом ожесточенной «полемиической войны». Основное содержание статьи как раз и посвящено анализу этой политической борьбы, получившей освещение в торийской и вигской прессе [3, с. 9-35]. Рассматривает она и причины обострения политической ситуации, которые, по ее мнению, сводятся к двум важнейшим. Первая, выразившаяся в расколе в лагере вигов, была вызвана недовольством части вигов осторожной внешней политикой правительства Р. Уолпола. Вторая причина обострения политической ситуации связана, по ее мнению, со стремлением сторонников Уолпола ради проведения необходимых экономических реформ

закрепить фактически сложившееся преобладание палаты общин над властью короля Георга II и палаты лордов путем изменения конституции. Обстоятельством, позволившими тори после долгого перерыва вновь выступить в качестве серьезной политической силы и получить массовую поддержку, являлось, по мнению Е.А. Добровой, недовольство экономическими мерами правительства. Среди этих мер наибольшее недовольство вызывали попытки ввести акцизы вместо прежнего налогообложения. В результате недовольство охватило как землевладельцев, живущих на земельную ренту, арендаторов, плативших эту ренту, так и мелких торговцев и ремесленников [3, с. 6-7, 32-33]. Е.А. Доброва уточняет и социальные слои, составлявшие, кроме собственно верхушки общества, опору политических течений. Опорой тори, согласно ее анализу, продолжала оставаться значительная часть населения отдаленных графств. Опорой же вигов являлись жители Лондона и портовых городов, существовавшие за счет новых способов производства [3, с. 11].

Характер политической ситуации в Англии в XVIII в. рассматривается и в современных отечественных исследованиях, посвященных английскому Просвещению как основе для понимания проблем культуры и идеологии. Наиболее интересной работой последних лет, на наш взгляд, является монография Т.Л. Лабутиной: «Культура и власть в эпоху Просвещения» [9].

Рассматривая политическую ситуацию в начале XVIII в., Т.Л. Лабутина подчеркивает, что наиболее ожесточенная борьба тори и вигов «за преобладающее влияние при дворе, в

парламенте и правительстве и тем самым привилегированное положение каждой из них», «разыгралась в период правления последних представителей династии Стюартов – Вильгельма III Оранского (1689-1702) и королевы Анны (1702-1714)» [9, с. 10].

Среди отечественных исследований последних лет особого внимания заслуживает монография М.П. Айзенштат «Великобритания нового времени: политическая история», поскольку прямо посвящена анализу политических процессов, происходивших в Англии в XVIII в. В монографии рассматривается как раз тот круг проблем, который и явился предметом разногласий в рассмотренных ранее трактатах: взаимоотношения короны и парламента, взаимоотношения тори и вигов [1].

Относительно первой из проблем мнение автора сформулировано совершенно определенно: «уже в начале XVIII века прерогативы короны фактически и формально были существенно сокращены, и в то же время роль парламента и правительства постепенно возрастала» [1, с. 33].

Этот вывод М.П. Айзенштат основан на следующих аргументах. Во-первых, об этом свидетельствует содержание третьей части «Билля и декларации прав», утвержденного парламентом в 1689 г. после бурных дебатов по поводу плана коронации Марии и последующего отказа Вильгельма от регентства и согласия Марии передать трон супругу. Билль и явился своеобразным дополнением к компромиссному решению: передаче престола «одновременно законной наследнице и лицу, избранному парламентом» – Марии и Вильгельму III. В частно-

сти, автор обращает внимание на то, что «Билль провозгласил незаконным приостановление законов или их исполнение королевским повелением; взимание сборов в пользу короля и его распоряжение ими без согласия парламента; набор и содержание войска в мирное время в пределах королевства разрешалось только с согласия парламента» [1, с. 20]. Другими словами, «сохранив королевскую власть, «Билль» ограничил ее прерогативы властью парламента и рядом конституционных положений» [1, с. 21]. Во-вторых, после коронации в феврале 1689 года Вильгельма и Марии парламента принял ряд актов, «усиливавших положения Билля о правах». Это акт о мятеже 1689 г. и акт о размере субсидии королю, принятый в марте 1690 г. Первый из актов повторял положение Билля о наборе и содержании войска, а второй конкретизировал как размер субсидий королю, так и определял, на что они могли быть израсходованы. Таким образом, Акт о мятеже предохранял парламента «от возможных попыток восстановления абсолютизма насильственным путем», а второй акт позволял контролировать монархов и ставил их в «экономическую зависимость от парламента» [1, с. 25]. В-третьих, Акт о престолонаследии 1701 г., принятый после внезапной смерти Марии и имевший главной целью предотвратить переход короны к сыну Якова II и наметивший наследником английского престола ганноверского курфюрста Георга Людвигу, содержал дальнейшее ограничение королевской власти как важнейшее условие. В законе предусматривалась возможность коронации иностранца, но оговаривалось, «что нация не обязана вести войны

в защиту его владений за пределами Англии», что возможно «только в случае согласия парламента» [1, с. 27-28]. Кроме того, в этом Акте о престолонаследии уточнялось, что «все решения, принятые королем, будут подписываться теми членами Тайного совета, которые дали согласие на данное решение». По мнению большинства исследователей и, очевидно, автора, «введение подобной меры означало установление ответственности министерства», а не короля, за принятые решения, так как по английской конституции «король не может быть неправ» [1, с. 28]. В-четвертых, в правлении королевы Анны в последний раз применялось королевское право «вето», поскольку в дальнейшем, при первых Георгах, ввиду отсутствия собственной опоры в стране и озабоченности возможностью сохранения права владения фамильным имением – Ганновера, произошло фактическое самоустранение монархов и усиление Тайного совета [1, с. 30, 32, 33].

Таким образом, М.П. Айзенштат как подтверждает свой тезис об ограничении королевской прерогативы, так и конкретизирует оставшиеся права короны. Среди них – определение внешнеполитического курса и назначение министров [1, с. 34]. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, описанный автором процесс появления такого органа, как кабинет министров, причины сосредоточения в его руках все большей исполнительной власти и формально справедливая реакция на это современников, как на появление неконституционного органа [1, с. 32-33]. Аргументы М.П. Айзенштат, на наш взгляд, раскрывают сущность политических изменений,

которые отрицал в своей трактовке Дж. Кларк. Некоторого уточнения, на наш взгляд, возможно, требует лишь первоначальная формулировка тезиса об изменениях прерогативы короны и парламента: «фактически и формально». Как представляется, приведенные М.П. Айзенштат аргументы свидетельствуют именно о том, что не все сокращения прерогатив короны были утверждены законодательно. Некоторые прерогативы короны были сокращены лишь фактически, и это относится, прежде всего, к праву «вето» (как, впрочем, уточняет и сам автор), которое не было отнято у короны, а лишь перестало использоваться [1, с. 33]. Может быть, к этому перечню следовало бы добавить и неучастие монарха в заседаниях Тайного совета? Такое же уточнение необходимо и в отношении прерогатив парламента, многие из которых не были закреплены законодательными актами, как, например, формирование кабинета на основании большинства в парламенте, свобода слова депутатов в парламенте, система «патроната» и т.д. Значимость этих уточнений, на наш взгляд, связана с тем, что именно незакрепленные законодательно прерогативы могли восприниматься и действительно воспринимались современниками как незаконные, неконституционные действия со стороны вигов и могли использоваться как обвинения в узурпации власти в межпартийной и идеологической борьбе.

Большое внимание в монографии уделено и проблеме взаимоотношения вигов и тори. Однако, судя по контексту, эта борьба была вызвана лишь разным отношением к происходящим событиям, а не разностью идейно-гео-

ретических позиций в отношении политической системы Англии. Так, для периода после Славной революции и вплоть до середины 90-х г., по мнению М.П. Айзенштат, «не наблюдалось серьезного политического разделения», было разделение либо за, либо против правительства. При этом в кабинет министров старались попасть не столько по политическим, сколько из-за соображений престижа и материальных выгод. Если и было разделение, то по конфессиональному признаку (тори – сторонники англиканской церкви, виги – покровители диссентеров) [1, с. 26].

Борьба между тори и вигами, как считает автор, обостряется лишь с середины 90-х гг. и продолжается в течение оставшихся лет правления Вильгельма III и всего правления королевы Анны, т.е. до 1714 г. Предметом разногласий в этот период были как внешнеполитические проблемы (условия Ресвикского мира, заключенного вигами), так и все те же причины материального характера (выгоды от использования системы «патронажа» или, иначе говоря, продажи должностей) [1, с. 27-30]. Исключением была лишь ситуация в момент смерти Анны, когда действия вигов, по мнению автора, были продиктованы политической причиной: предотвращением заговора тори с целью передачи престола сыну Якова II [1, с. 27].

По мнению М.П. Айзенштат, в годы правления Георга I и начала правления Георга II, когда правительство возглавлял виг Роберт Уолпол, и вплоть до 1738 г., наблюдалась «относительная политическая стабильность», разногласия между вигами и тори по-прежнему были связаны лишь с

религиозными обстоятельствами. Стабильность объясняется М.П. Айзенштат как тем, что систему «патронажа» Р. Уолпол использовал в интересах всех группировок, так и экономической политикой, устраивавшей как вигов, так и тори [1, с. 36-38].

Приведенная трактовка М.П. Айзенштат взаимоотношений вигов и тори противоречит, на наш взгляд, оценке сущности их разногласий выявленных Т.Л. Лабутиной. Согласно выводам Т.Л. Лабутиной, у тори и вигов как до, так и после Славной революции идейно-политическая проблематика та же, только поменялись их позиции. Теперь уже тори требовали не формального, а действительного разделения власти между короной, правительством и парламентом, между тем как все эти ветви власти находились целиком в руках вигов. Кроме того, многие идеи тори и вигов после Славной революции имели революционное происхождение, были заимствованы из арсенала левеллеров и индепендентов [7, с. 91; 8, с.159-168].

Новое обострение политической борьбы в период 1738-1742 г., завершившееся отставкой Р. Уолпола, по мнению М.П. Айзенштат, было вызвано не столько партийным противоборством, сколько недовольством его как политикой в целом со стороны тори, так и по вопросам внешней политики значительной части вигов [1, с. 38-40]. Доказательством того, что сближение вигов и тори было вызвано лишь недовольством политикой Уолпола, является быстрый распад коалиции вигов и тори после его отставки [1, с. 40].

Собственно идейно-политическая борьба группировок тори и вигов возникла, как считает М.П. Айзенштат,

лишь с середины 40-х г. Причинами стали меры вигов по изоляции тори от предвыборной борьбы, (в парламенте их осталось лишь 130-140 человек). Только тогда прозвучали призывы тори к корректировке политической системы как способа прекратить узурпацию власти со стороны вигов: требования изменения системы выборов, требования отмены семилетнего срока полномочий парламента. Только эти меры могли привести к изменениям и в политике: сокращению армии и отказу от вмешательства в европейские войны, что, в свою очередь, могло привести к уменьшению налогового бремени [1, с. 42]. На наш взгляд, эта критика вигов со стороны тори уже была в предшествующие годы, как убедительно показала Е.А. Доброва.

Как считает М.П. Айзенштат, эта политическая борьба, начавшаяся лишь в середине 40-х гг., проходила в условиях некоторого ослабления влияния вигов. «Слабость» объясняется расколом «партии» на персональные группировки. В течение долгого периода преобладания своей партии виги привыкли извлекать материальные выгоды из системы «патронажа» и поэтому возникли группировки, конкурировавшие между собой [1, с. 43]. В результате Британия в 1756 г. вступила в Семилетнюю войну в «обстановке политической нестабильности» [1, с. 43].

Таким образом, трактовка М.П. Айзенштат отношений вигов и тори в первой половине XVIII в. сводится к признанию действительной политической борьбы между ними лишь начиная с середины 40-х гг. Кроме того, ее трактовка отношений внутри парламента до 40-х гг. близка трактовке Л. Немира.

В итоге можно прийти к выводу, что в конкретно-исторических исследованиях в отечественной и отчасти в зарубежной историографии наблюдается определенная эволюция представлений о характере политической ситуации и сущности борьбы тори и вигов. Первоначальный тезис о «политическом спокойствии», основанный в отечественной историографии, в отличие от зарубежной, не на рассмотрении борьбы в стенах парламента, а на отсутствии классовых и экономических противоречий тори и вигов, при более детальном анализе их политических позиций в отдельные десятилетия изменился в сторону отрицания «политического спокойствия». К сожалению, единства в отечественной историографии в определении периода «острой политической борьбы» тори и вигов не наблюдается. Согласно трактовке М.А. Барга таким периодом является период 1702-1720 гг., согласно трактовке Т.Л. Лабутиной – период 1789-1714 гг., а у Е.А. Добровой – это период 30-х, по мнению М.П. Айзенштат – период 40-50-х гг. XVIII в. Анализируя аргументы исследователей, представляется возможным заключить, что политическая борьба тори и вигов имела место на протяжении всей первой половины XVIII в., причем происходило изменение форм борьбы: от преобладания парламентских способов к преимущественно идейно-политической критике.

Кроме того, хотя парламент и не выражал мнения большинства населения Англии как в силу несовершенства избирательной системы, так и механизма функционирования и принятия решений, все же политическая борьба не сводилась к борьбе в стенах парламента. Политическая ситуация зави-

села и от отношения населения к тем явлениям, которые хотя и были вызваны объективными экономическими и социальными изменениями, но проводились в жизнь благодаря усилиям той или иной политической группировки и потому отождествлялись с ними. На наш взгляд, политическая борьба должна была отражаться в формировании и противопоставлении политических идей. Как представляется, этот аспект нуждается в дополнительном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Айзенштат М.П. Великобритания нового времени: политическая история. М., ИВИ РАН, 2002. 207 с.
2. Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М, 1978. 359 с.
3. Доброва Е.А. Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в. // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1981. 164 с.
4. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И.С. Галкина. Т. 1. М., 1967. 59 с.
5. История Великобритании / Коллектив авторов под ред. Кеннета О. Моргана; Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. С. 375.
6. Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. 430 с.
7. Лабутина Т.Л. «Идеология и политические партии Англии в период становления двухпартийной системы (обзор зарубежной литературы)». // Англия XVII века: идеологи, политика, культура. СПб., 1992. 95 с.
8. Лабутина Т.Л. Идейно-политические воззрения вигов и тори в период реставрации // Проблемы Британской истории. М., 1978. 272 с.

9. Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., Наука, 2005. 458 с.
10. Соколов А.Б. «XVIII век в Англии: споры историков // Вопросы всеобщей истории. Сб. науч. тр. РГПУ, 1997. 94 с.
11. Black J. British Foreign Policy in the Age of Walpole. Edinburg, 1985. 202 pp.
12. Christie Ian R. The End of North's Ministry. Macmillan, 1958. 448 pp.
13. Diskinson H.T. The Politics of the People in the Eighteenth Century Britain. L., 1995. 256 pp.
14. Doyle W. The old European Order 1660-1800. Oxford, 1992. 420 pp.
15. Henshell N. The Myth of Absolutism. Chang and Continuity in Early Modern European Monarchy. L., 1992. 245 pp.
16. Owen John B. The Rise of the Pelhams. Methuen, 1957. 357 pp.
17. Perry K. British Politics and the American Revolution. Houndmills, 1990. 176 pp.
18. Rule J. Albion's People. English Society 1714-1815. L., 1992. 269 pp.
19. Spek W.A. Stability and Strife. England. 1714-1760. Cambridge (Mass), 1977. 224 pp.